ИРИНА ТАЛИНСКАЯ

КАПИТАН ОСТ

-РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ-

2 КНИГА

Капитан Ост.

Ирина Талинская

Рукописи не горят

«Автор»
2026

Талинская И.

Рукописи не горят / И. Талинская — «Автор», 2026 — (Капитан Ост.)

Капитан Ост приезжает на Селигер на помощь родственнику, которого подозревают в убийстве сторожа усадьбы Толстых. В процессе расследования опять проявляется его способность видеть прошлое глазам предков. Кирилл узнает семейные тайны и тайны прошлого...

© Талинская И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Глава 1. Звонок из Осташкова 6
Глава 2. Дом на берегу 13
Глава 3. Подвал с двумя телами 20
Глава 4. Ищи дверь 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Рукописи не горят

Глава

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения с реальными событиями случайны

Глава 1. Звонок из Осташкова

Последняя подпись легла на бланк неровно, будто ручка на секунду устала вместе с рукой. Кирилл дважды перечитал отчет о картинах и убийствах, поставил дату и придвинул папку к краю стола.

— Ост, ты закрыл дело за неделю, — сказал Дегтярёв, заглянув через плечо. — Кто-то там, на Лубянке, третий год ищет такую же партию, а ты пришёл и через семь дней нашел убийц, жаль, что картины уже давно ушли за границу. Тебе что, кто-то на ушко шепчет?

— Просто повезло с логикой, — ответил Кирилл, не поднимая головы.

Дегтярёв фыркнул, хлопнул его по плечу и отошёл к своему столу, довольный шуткой больше, чем она того стоила. Кирилл сложил бумаги ровной стопкой и на секунду замер, глядя на них так, словно они могли сказать что-то ещё.

Правда была в том, что, стоя посреди картин, он вдруг увидел то, что объяснить это никому не смог бы, да и не собирался пробовать. Он перестал удивляться после первого погружения в прошлое. Просто отмечал факт и двигался дальше — так спокойнее. Мысль о раме на стене свернулась и ушла, как обычно, стоило ему сосредоточиться на бумагах, и он снова стал детективом Остом, а не тем, кем становился в такие минуты.

— Иди домой, Кирилл, — сказал начальник, выходя из кабинета с чашкой в руке. — Заслужил. Отчёт подождёт до понедельника, дело закрыто, всё чисто. Отдохни хоть немного, а то смотришь на меня, как на подозреваемого.

— Есть отдохнуть, — коротко ответил Кирилл и стал собираться, чувствуя ту особую тяжесть в плечах, которая приходит не от усталости, а от её конца, когда напряжение вдруг разрешается и тело будто заново узнаёт, сколько оно на самом деле весит.

На улице моросил мелкий, совсем не сентябрьский дождь, размывая огни вывесок в акварельные пятна. Он не стал брать такси, дошёл до дома пешком, слушая, как город постепенно стихает вокруг, теряя дневную резкость. В квартире было тихо и слегка пахло вчерашним кофе. Он поставил чайник, снял куртку, повесил её на спинку стула вместо того, чтобы убрать в шкаф, — мелкая лень, которую он себе позволял только в такие вечера, — и сел за стол с ноутбуком, не открывая его, просто чтобы посидеть в тишине минуту, две.

За окном город жил своей вечерней жизнью, где-то внизу просигналила машина, кто-то засмеялся на балконе этажом выше. Чайник щёлкнул, закипая, и Кирилл поднялся, чтобы налить себе чай, думая уже не о деле с картинами, а о том, что неплохо бы наконец съездить домой, — мама в последнем разговоре напомнила об этом трижды за десять минут, что для неё было почти криком.

Он вернулся с кружкой, поставил её рядом с ноутбуком, так и не открыв крышку, и в этот момент экран телефона на столе загорелся, высвечивая имя отца. Звонок в это время суток от отца, человека, который звонил по расписанию и никогда без повода, был сам по себе достаточным сигналом, чтобы усталость в плечах Кирилла в одно мгновение сменилась совсем другим напряжением.

* * *

Экран мигал именем отца, и на секунду Кирилл просто смотрел на него, не отвечая, — так смотрят на что-то, что нарушает установленный порядок вещей. Андрей Викторович звонил по воскресеньям, около семи вечера, и разговор редко длился больше пяти минут: как дела, как погода в Москве, мама спрашивает, приедешь на праздники. Сегодня была среда, одиннадцать часов вечера.

— Пап, — сказал Кирилл, поднимая трубку.

— Кирилл.

Голос отца всегда был ровным, почти без интонации, — привычка человека, который двадцать лет разбирает земельные споры и знает, что эмоция в разговоре ничего не решает, только мешает. Но сейчас в этой ровности что-то было не так, будто её натянули поверх чего-то другого, как ткань поверх пятна.

— Ты не спишь ещё?

— Работал допоздна. Что-то случилось?

Пауза. Не долгая, но заметная — отец никогда не молчал перед фразой, он формулировал её заранее, ещё до звонка. Значит, сейчас он не мог найти слов, а это само по себе было хуже любых слов.

— Петра задержали, — сказал он наконец.

— Какого Петра?

— Макарова. Моего… — Андрей Викторович на секунду замялся, будто вспоминая нужное слово для степени родства, хотя знал его прекрасно, — двоюродного брата. Пётра Николаевича.

Кирилл поставил кружку на стол, так и не отпив из неё. В голове что-то стронулось с места, отодвинулось в сторону, освобождая пространство для другого режима работы — того, в котором он жил на службе последние пять лет и который включался сам, без спроса, стоило прозвучать слову «задержали».

— За что задержали?

— По подозрению в убийстве.

Он произнёс это так же сухо, как сказал бы «по подозрению в неуплате налогов», и именно эта сухость выдавала его больше, чем если бы он закричал. Кирилл знал отца достаточно, чтобы понимать: за таким тоном пряталось что-то, с чем Андрей Викторович пока сам не разобрался, не уложил в голове, и потому говорил короткими, обкатанными фразами, как по протоколу.

— В убийстве кого?

— Садовника. В усадьбе Толстых, на Селигере.

— Когда?

— Сегодня. Вечером нашли.

Кирилл сидел прямо, не двигаясь, глядя в тёмное окно, за которым город продолжал жить своей вечерней жизнью, не подозревая, что где-то в трёх часах езды на север что-то только что перевернулось. Он машинально потянулся к блокноту, лежавшему у ноутбука, — рабочая привычка, от которой не отделаться, даже если дело касается семьи.

— Его застали на месте?

— Да.

— С телом?

— Да. Руки в крови.

Кирилл записал это одним словом в блокноте, хотя знал, что запомнит и без записи, — привычка фиксировать сказанное раньше, чем начинаешь его анализировать, чтобы не потерять деталь под напором собственных выводов. «Руки в крови» — фраза, которая на первый взгляд выглядела как приговор, а на самом деле ничего не значила без контекста. Кровь на руках бывает у того, кто убил, и точно так же бывает у того, кто пытался остановить кровотечение, поднять упавшего, нащупать пульс. Разница между этими двумя людьми — в показаниях свидетелей и в протоколе осмотра, а не в самом факте крови.

— Пап, послушай, — сказал он, стараясь говорить медленнее, чем требовал его собственный внутренний темп, — то, что его застали рядом с телом и у него кровь на руках, ещё ничего не доказывает. Это стандартная картина для любого, кто первым обнаружил труп и попытался помочь. Следствие обязано это проверить, а не сразу…

— Кирилл, — прервал его отец, и в этом одном слове было столько всего сразу — усталость, раздражение не на сына, а на собственную беспомощность, страх, который он старательно держал под контролем всю жизнь и не умел показывать даже сейчас, — я знаю, как это работает. Я всю жизнь с бумагами, с законами. Я понимаю разницу между подозрением и виной.

— Тогда что тебя пугает?

Молчание на другом конце длилось дольше, чем позволяли себе оба. Кирилл слышал сквозь трубку какой-то фоновый звук — не голоса, а будто отец переступил с ноги на ногу, оглянулся, прикрыл рукой микрофон.

— Меня пугает, что там в кабинете сейчас твоя мама, — сказал он наконец, тише, почти шёпотом, — и я не хочу, чтобы она слышала, как я говорю об этом с тобой, потому что она сразу решит, что всё гораздо хуже, чем есть. А я сам не знаю, насколько хуже.

Кирилл понял, что за этой фразой, произнесённой почти без выражения, стояло признание, которое отец никогда бы не позволил себе сформулировать прямо: что он растерян, что впервые за много лет не понимает, как поступить, и звонит не за советом даже, а просто чтобы услышать сына, который умеет думать в таких категориях.

— Пап, дай мне минуту, — сказал Кирилл. — Выйди туда, где тебя не слышат, и перезвони. Я хочу знать всё, что ты знаешь, по порядку.

— Хорошо, — отозвался Андрей Викторович, и в этом «хорошо» была уже не сухость, а какое-то облегчение оттого, что решение принято за него, оттого, что можно на минуту переложить хоть часть тяжести на кого-то другого.

Связь прервалась. Кирилл остался сидеть с телефоном в руке, глядя на потухший экран, и в квартире вдруг стало слишком тихо, слишком отчётливо слышался гул холодильника на кухне, тиканье часов в коридоре, которые он раньше никогда не замечал. Он посмотрел на кружку с остывающим чаем, на закрытый ноутбук, на куртку, брошенную на спинку стула, — обычные вещи обычного вечера, который только что закончился, так и не начавшись по-настоящему.

Через минуту телефон должен был зазвонить снова.

* * *

Телефон завибрировал ровно через минуту, будто отец засекал время по секундомеру, а не по внутреннему счёту, который сбился давно.

— Я на улице, — сказал Андрей Викторович вместо приветствия. Голос звучал глуше, чем в первый раз, словно к нему добавился ветер или расстояние от дома. — Мама не слышит.

— Слушаю, — сказал Кирилл, отставляя чай и садясь прямо, будто эта поза сама по себе помогала думать яснее.

— Садовника усадьбы нашли сегодня в подвале. Мёртвого. — Отец произнёс это без пауз, словно фраза была заготовлена заранее и он боялся, что если остановится, то не сможет закончить. — Голова проломлена. Чем я не знаю точно. Сказали — камнем.

Кирилл почувствовал, как внутри что-то встало на профессиональные рельсы, привычная колея, по которой он ходил на работе последние пять лет: факт, потом факт, потом связь между ними. Дома, в квартире с потухшим ноутбуком, эта колея казалась чужой, но она же и держала его сейчас на ногах.

— Где именно нашли Петра?

— Там же. В подвале, рядом. — Андрей Викторович помолчал секунду, как будто взвешивал слово перед тем, как произнести его. — У него были руки в крови. Его увидели двое сотрудников, кто-то вызвал полицию, и его задержали сразу же, на месте.

— Кто увидел?

— Не знаю точно. Сторож, кажется. Может, ещё директор. — В голосе отца появилась короткая, почти незаметная неуверенность, которая была для него нехарактерна: обычно он

говорил цифрами и датами, а не «кажется». — Городок маленький, Кирилл. Информация расходится, как круги по воде, и к третьему пересказу уже не поймёшь, что было в начале.

— А что было на месте, кроме тела? Есть что-то ещё, о чём говорят?

Пауза стала длиннее. Кирилл слышал, как где-то на фоне проехала машина, зашуршала листва, — отец, видимо, отошёл дальше от дома, туда, где ветер сильнее.

— Говорят разное. Кто-то упоминает старую стену в подвале, будто она обвалилась. Кто-то — что там нашли что-то ещё, кости какие-то. — Андрей Викторович произнёс это с явным недовольством собственной неполнотой, как человек, привыкший работать с точными документами и вынужденный сейчас пересказывать слухи. — Я не хочу гадать вслух то, чего не знаю наверняка.

— Это правильно, — сказал Кирилл, и подумал, что именно этой честности ему сейчас не хватало бы от местных оперативников, если бы он оказался там сегодня в форме, а не сыном по телефону.

— Пётр говорит, что не убивал его. — Отец произнёс это твёрже, чем всё предыдущее, будто перешёл от неуверенных слухов к тому, что слышал сам, напрямую. - Пытался спасти.

- Если он правда пытался спасти его, кровь будет размазанной, не концентрированной в одном месте. Если он бил, следы будут другими. Это должны проверить эксперты, а не следователь на глазок.

— Вот именно этого я и боюсь, — сказал Андрей Викторович, и в его голосе Кирилл наконец услышал то, ради чего, видимо, был весь этот звонок. — Что они не станут проверять. Что им проще закрыть дело с тем, кого нашли рядом с трупом, чем искать дальше. Ты знаешь этот город, Кирилл. Здесь всё быстро, всё по знакомству. Кому-то будет удобно, если виноватым окажется он.

Кирилл посмотрел на тёмное окно, за которым угадывались огни соседнего дома, и понял, что отец впервые в разговоре произнёс не факт, а просьбу, хотя и не сформулировал её прямо.

— Ты хочешь, чтобы я приехал, — сказал он, не спрашивая, а проговаривая то, что уже понял.

— Я хочу, чтобы кто-то, кому я доверяю, посмотрел на это своими глазами, — ответил отец после паузы, и в этой формулировке было столько сдержанного признания собственного бессилия, сколько Кирилл слышал от него за всю жизнь, может быть, дважды. — Местным следователям я не доверяю, Кирилл. Не потому, что они плохие люди. Просто дело слишком удобное, чтобы его хорошо расследовали.

Кирилл молчал несколько секунд, глядя на телефон, будто там, на экране, можно было увидеть лицо отца, стоящего сейчас где-то на тёмной улице подальше от дома, чтобы жена не услышала его голос таким, каким он был сейчас, — усталым и просящим.

— Я возьму отпуск, — сказал он наконец. — Завтра же. Будь готов рассказать мне всё, что знаешь, по порядку, когда я приеду.

— Хорошо, — сказал Андрей Викторович, и в этом слове снова прозвучало то самое облегчение, что и в первый раз, только теперь чуть глубже, чуть настоящее.

* * *

Кирилл положил телефон на стол экраном вниз, будто это могло остановить разговор, который уже случился, и открыл ноутбук. Экран разгорался медленно, как будто и техника чувствовала, что три часа ночи — не время для срочных дел, но у Кирилла было другое мнение на этот счёт.

Он вбил в поиск «Осташков убийство усадьба Толстых» и получил три ссылки, из которых живой оказалась только одна — короткая заметка на сайте районной администрации, датированная сегодняшней датой, без фотографий, без подробностей, с той специфической канцелярской сухостью, за которой всегда прячется либо нежелание говорить, либо ещё нечего

сказать. «В музее-усадьбе на территории Осташковского городского округа произошло чрезвычайное происшествие, повлёкшее гибель сотрудника. По факту случившегося проводится проверка. Ведётся следствие». Ни имени погибшего, ни имени задержанного, ни слова о том, что уже кого-то взяли под стражу. Информация, рассчитанная на то, чтобы её прочитали и забыли, а не на то, чтобы кто-то стал задавать вопросы.

Это не удивило Кирилла — он достаточно лет проработал в системе, чтобы знать, как быстро и как надёжно местные пресс-службы умеют ничего не сказать связным русским языком, — но и не успокоило. Отсутствие информации в открытых источниках означало ровно то, что отец уже сказал ему по телефону: дело двигалось быстро и без огласки, а быстро и без огласки обычно двигались дела, которые кому-то было выгодно закрыть, не привлекая лишнего внимания.

Он полистал телефонную книгу и нашёл имя, которое не открывал, кажется, года два. Стас Валюженич, с которым они когда-то вместе сидели за одной партой на юрфаке, а потом разошлись — Кирилл в убойный отдел, Стас в рйонное управление, где-то на границе между следствием и надзором, на должности, название которой Кирилл никогда толком не запоминал, потому что в разговорах Стас сам называл себя проще: «сижу на бумагах». Но бумаги в его случае означали доступ к сводкам, а сводки — это было именно то, что сейчас требовалось.

Стас ответил не сразу, а когда ответил, голос у него был заспанный и настороженный одновременно, как у человека, привыкшего, что звонки в такое время редко бывают приятными.

— Кирилл? — сказал он вместо приветствия. — Ты живой вообще? Сколько лет.

— Живой, — сказал Кирилл. — Извини за время. Нужна помощь, не по работе, по-родственному. У меня в Осташкове дядю... не дядю, в общем, родственника задержали. По делу об убийстве в усадьбе-музее. Ты можешь узнать, что там официально?

На том конце помолчали, и в этом молчании Кирилл услышал, как Стас садится, включает свет, переключается из режима сонного человека в режим человека, который понимает, что вопрос задан не праздный.

— Макаров? — спросил он вдруг, и Кирилл почувствовал, как у него внутри что-то подобралось. — Пётр Николаевич, искусствовед?

— Да. Ты уже знаешь?

— Слышал сегодня вечером, у нас передавали по сводке. — Стас зевнул, но не так, как зевают от скуки, а так, как зевают, когда усталость мешает подбирать слова аккуратнее. — Дело свежее, буквально пару часов как оформили. Что тебе сказать. Задержали его на месте, руки в крови, рядом труп. Для местных это выглядит как готовое дело, я тебе честно скажу. Следователь не глупый, опытный, но амбициозный, ему сейчас проще закрыть быстро, чем копать. Экспертиза только назначена, результатов пока нет никаких, но, судя по тому, как оперативники докладывали, они уже почти написали ему статью.

— Почти написали, — повторил Кирилл, не столько спрашивая, сколько фиксируя для себя формулировку. — То есть официально предъявлено ещё не было.

— Официально — задержание на семьдесят два часа, дальше суд по мере пресечения. Но ты сам знаешь, как это бывает. Если за эти трое суток не появится ничего, что перевернёт картину, дальше пойдёт по накатанной, начальству хочется отчитаться быстро. — Стас снова помолчал, и в этой паузе Кирилл почувствовал, что тот и сам не в восторге от того, что рассказывает. — Слушай, а тебе зачем? Он тебе кто вообще?

— Двоюродный брат отца, — сказал Кирилл. — Я его с детства знаю. Отец за него уверен.

— Ну, отцу виднее, наверное, — сказал Стас без особой уверенности в голосе. — Только я тебе так скажу, по-приятельски: если он там правда рядом с трупом стоял, руки в крови, это не то, от чего просто так отмахнуться получится. Даже если ты приедешь. Тут все очевидно.

Кирилл слушал и чувствовал знакомое царапающее ощущение, возникавшее у него всякий раз, когда кто-то произносил слово «очевидно» применительно к делу, где ещё даже не была готова экспертиза. За годы работы он видел десятки случаев, начинавшихся точно так же — человек рядом с телом, кровь на руках, никаких сомнений у оперативников, — и половина из них разваливалась, стоило кому-то потрудиться взглянуть на улики без спешки. Очевидное чаще всего оказывалось удобным, а не истинным, и разница между этими двумя словами обычно стоила кому-то нескольких лет жизни, если её вовремя не замечали.

— Экспертиза когда будет готова? — спросил он.

— Предварительная — дня через два-три, я думаю. Полная, по крови, по времени смерти — не раньше недели. Но, Кирилл, если честно, я не уверен, что там кто-то будет сильно ждать полной экспертизы, если предварительная ляжет в нужную сторону. У них там дело на контроле, им нужен результат, а не сомнения.

Это и было то, чего Кирилл боялся с самого начала разговора с отцом, только теперь это подтвердил человек с другой стороны, не заинтересованный ни в чём, кроме факта. Если он не приедет сам, никто не станет сомневаться вслух за Петра Макарова. Дело закроют так, как оно выглядит на первый взгляд, потому что так проще, потому что так быстрее, потому что следователю нужна отчётность, а не правда, а косвенные обстоятельства — окровавленные руки, найденное тело, отсутствие алиби на нужный час — сложатся в картину, удобную для всех, кроме одного человека.

— Спасибо, Стас, — сказал он. — Держи меня в курсе, если что-то узнаешь. Я, наверное, приеду сам, посмотрю.

— Держи меня тоже в курсе, — ответил тот. — И осторожнее там, провинциальные дела — они такие, знаешь, всегда выглядят сложнее, чем есть на самом деле.

Кирилл положил трубку и ещё несколько секунд смотрел на тёмный экран телефона, где высвечивалось время звонка — двенадцать минут, — будто эти двенадцать минут могли что-то изменить в том решении, которое он, по сути, принял ещё когда слушал отца. Теперь оставалось только собрать вещи.

* * *

Кирилл открыл ноутбук и, не давая себе времени передумать, набрал рапорт коротко и сухо, так, как учили писать когда-то на первом курсе: без лишних слов, без эмоций, только факт и просьба. «В связи с семейными обстоятельствами прошу предоставить отпуск с завтрашнего дня продолжительностью четырнадцать дней». Ничего больше он объяснять не собирался. Начальник отдела не любил длинных историй, любил только цифры и сроки, и Кирилл знал, что чем меньше слов, тем меньше вопросов. Отправил на адрес отдела.

Такое же сообщение вбил в телефон и отправил Дегтярёву. Часы на экране показывали половину двенадцатого. Отвечать в такое время никто, конечно, не станет, но Кирилл всё равно ещё несколько минут смотрел на телефон, будто ждал, что ответ придёт немедленно, вместе со всей ясностью, которой ему сейчас так не хватало.

Ответ от Дегтярева пришёл через 5 минут, раньше, чем он рассчитывал: «Согласовано. Две недели. Держи телефон на связи». Кирилл посмотрел на это сообщение с лёгким удивлением — обычно отпуск в их отделе выбивали с боем, неделями, через отгулы и обмены сменами, — но сейчас, видимо, начальству было спокойнее отпустить человека, у которого только что закрылось громкое дело, чем удерживать его на месте до следующего.

Собирал сумку он машинально, руки делали своё дело быстрее, чем голова успевала подумать зачем. Пара рубашек, тёплая куртка — отец говорил, что вечера на Селигере в это время года холодные, — блокнот в клеёнчатой обложке, который он таскал с собой на все выезды ещё с первого года службы, и латексные перчатки, упаковка, начатая ещё на прошлом деле. Он сам не смог бы объяснить, зачем перчатки нужны человеку, который едет туда неофи-

циально, без полномочий, без бумаги от прокуратуры. Просто клал их в сумку по привычке, как кладут зубную щётку, не задумываясь, понадобится ли она сегодня.

Матери он позвонил перед тем, как лечь спать, чтобы не появляться на пороге без предупреждения, — знал, что она этого не любит, любит знать заранее, готовиться, хотя бы морально.

— Мам, привет. Я, наверное, приеду завтра, — сказал он, не тратя времени на предисловия.

— Знаю, — ответила она, и в голосе у неё была та особая интонация, которую Кирилл слышал редко: смесь тревоги и облегчения одновременно. — Отец сказал, что звонил тебе. Я как узнала про Петра, так и подумала — ну вот, теперь Кирюша приедет.

— Приеду. Готовь комнату, — он попытался пошутить, но шутка вышла плоской, и мать это, кажется, поняла.

— Комната всегда готова, — сказала она серьёзнее. — Ты только осторожно там, за рулём столько часов. И… спасибо, что едешь.

— Ещё не за что, — ответил он. — Я пока ничего не сделал.

Он попрощался и положил трубку быстрее, чем обычно, — не потому что торопился, а потому что чувствовал, что если разговор продлится ещё минуту, мать начнёт спрашивать то, на что у него пока не было ответов, а он не любил врать даже маленькой ложью умолчания.

Машину он вывел из подземного паркинга в начале восьмого утра, когда город уже жил своим утренним шумом, и в потоке машин на кольце почувствовал странное облегчение — то самое, какое обычно приходит, когда решение принято и не нужно больше взвешивать, ехать или не ехать, брать отпуск или довериться чужим людям. Дальше был только асфальт, разметка, указатели на Тверь, потом на Осташков, и монотонная работа руля, которая освобождала голову для мыслей, вытесненных до этого суматохой сборов.

К полудню, — где-то на подъезде к границе области прошёл дождь, — Кирилл поймал себя на том, что уже не следит за дорогой, вернее следит машинально, а думает совсем не о трассе. Он думал о фразе, которую отец произнёс почти в конце их разговора, каким-то нарочито ровным голосом, будто пытался убедить не столько сына, сколько самого себя: «Пётр клянётся, что не убивал». Отец не был человеком, склонным к сентиментальным заявлениям, и если он это сказал, значит, для него это было важно повторить вслух, услышать себя произносящим эти слова.

Кирилл знал за годы службы, что клятвы невиновности ничего не стоят сами по себе — их произносят одинаково искренне и невиновные, и виновные, испугавшиеся собственного поступка, и это никогда не было аргументом ни в одну сторону. Но клятва отца была другой природы. Отец не клялся за брата — он передавал его клятву, и делал это с той сдержанностью, за которой Кирилл всегда угадывал не отсутствие чувств, а их избыток, загнанный внутрь ещё в детстве, воспитанием, привычкой не показывать слабость.

Значит, придётся выяснять самому. Не верить ни следователю, который спешит закрыть дело до полной экспертизы, ни Стасу с его осторожным «очевидно», ни даже отцу с его клятвой за брата — только фактам, которые ещё предстояло найти, ощупать руками в перчатках, разложить по порядку, как он делал это десятки раз до этого, с другими трупами и другими людьми, чья невиновность или виновность зависели не от того, во что хотелось верить, а от того, что на самом деле лежало на месте преступления.

Дорога впереди сужалась, теряясь между стенами мокрого леса, до Осташкова оставалось ещё полчаса.

Глава 2. Дом на берегу

Дом появился раньше, чем Кирилл этого ожидал: сначала жёлтый квадрат окна на втором этаже, потом фонарь над крыльцом, который отец так и не поменял на нормальный, экономный, всё грозился и не менял уже лет пять. Кирилл заглушил двигатель и сидел ещё секунду, слушая, как машина потрескивает, остывая, и как в салоне ещё держится тяжёлый, никуда не девшийся запах московской пробки — бензин, кофе из стаканчика, что-то синтетическое от кондиционера. Дома этот запах всегда казался лишним, будто он привёз с собой чужой воздух и теперь надо было его выпустить, проветрить машину и себя заодно.

Калитка скрипнула раньше, чем он успел до неё дойти. Мама стояла в проёме, кутаясь в свою бордовую вязаную кофту.

— А я тебя высматриваю, — сказала она, разглядывая его так, будто проверяла, не подменили ли сына кем-то похожим. — Сын приехал. Раз в год бывает, и то по такому поводу.

— Привет, мам, — он обнял её, и она на секунду прижалась, крепче, чем позволяла себе обычно, а потом отстранилась и оглядела его с ног до головы, как будто искала следы дороги.

— Похудел. Как доехал?

— Дорога длинная была.

— Дорога у тебя всегда длинная, — она развернулась и пошла к дому, не дожидаясь его, и голос долетал уже через плечо. — То дела, то дела, то опять дела. Сестра вон хоть фотографии присылает, а от тебя раз в месяц смс, что жив.

- Сестренку всегда тянуло в путешествия. Где она сейчас?

- София? В Риме, у них европейский тур с оркестром, неделю назад в Праге были.

Он шёл следом, доставая сумку с заднего сиденья, и слушал эту привычную интонацию — лёгкую, почти скучающую, будто сын приезжает не по поводу арестованного родственника, а просто заскочил на выходные. Но за этой лёгкостью, наработанной годами, за этими подначками про сестру и смс, он слышал совсем другое: усталость в голосе, которая садилась чуть ниже обычного, и то, как мать держала плечи — слишком прямо, слишком аккуратно, будто боялась расплескать что-то, если ссутулится.

— Как вы тут вообще? — спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал буднично.

— Живём, — она пожала плечами, толкая дверь в дом. — Город весь гудит, конечно. Соседка, Валентина, та, что с нижней улицы, уже к нам два раза забегала, будто у неё дело какое, а сама только про усадьбу и спрашивает. Правда, говорит, там кости нашли? Правда, говорит, Пётр Николаевич теперь сидит? Я ей говорю — иди, Валя, я не следователь, я в этом деле как ты, из телевизора узнаю.

Кирилл поставил сумку у порога и посмотрел на мать внимательнее. Она уже была у плиты, спиной к нему, и что-то мешала в кастрюле, хотя, судя по запаху, обед был давно готов и просто ждал, когда его разогреют.

— А по существу что говорят? — спросил он осторожно. — Не Валентина, а вообще.

— По существу отец тебе всё расскажет, когда придёт, — она не обернулась, но голос стал чуть суше, будто она прикрыла дверь, за которой держала что-то ещё не разобранное. — Он же с тобой уже созванивался, ты и так больше моего знаешь. Я тут только слухи собираю да соседей выпроваживаю.

Кирилл понял этот манёвр сразу, узнал его — так его отец сам делал десятки раз, оставляя тяжёлое на потом, на того, кому положено говорить о тяжёлом. А может, она просто не хотела произносить вслух слово «убийство» в собственной кухне, пока муж не пришёл и не сделал это первым.

— Миша дома? — спросил Кирилл, меняя тему, потому что почувствовал, что дальше давить не стоит.

— На тренировке, скоро будет. Голодный, как обычно, так что мой тебе совет — не тяни с ужином, а то он всё сметёт и тебе даже погреться не достанется, — она наконец обернулась, вытирая руки о полотенце, и посмотрела на него уже без всякой иронии, прямо. — Ты надолго?

— На две недели взял отпуск.

Она чуть кивнула, будто прикидывала что-то в уме, сколько это — две недели, хватит ли, и не сказала вслух ни одного из этих слов.

— Хорошо, — сказала она просто. — Хоть посмотрю на тебя живьем, а не только по телефону.

— Мам.

— Что «мам». Садись, руки помой с дороги, — она уже отвернулась обратно к плите, доставая тарелки из шкафа резкими, отработанными движениями. — Разговоры разговорами, а картошка стынет.

Он усмехнулся, снял куртку, повесил её на крючок у двери — тот самый крючок, на котором она висела ещё в детстве, — и подумал, что вот в этой фразе, брошенной через плечо с деланой лёгкостью, было спрятано куда больше правды о последних сутках, чем во всём, что мать успела сказать до этого.

* * *

Кирилл вышел на крыльцо, чтобы позвонить отцу, и в этот момент во двор влетел Миша: бутсы через плечо, мяч подмышкой, футболка прилипла к спине от пота.

— О, знаменитость, — Миша толкнул его плечом, остановился, разница в росте была уже только пара сантиметров — Явился. А я думал, тебя только на праздники и на похороны из Москвы вытащить можно.

— Спасибо. Я тоже скучал.

— Да я по-доброму, — Миша уронил мяч на землю, поддал его коленом, поймал обратно. — Мама все утро твою комнату проветривала. Говорит, застоялся воздух за год.

— За полгода.

— За год кажется, — Миша хмыкнул и наконец бросил мяч на траву. — Как ты вообще? Похудел, что ли.

— Нормально дела. Работы много было.

— Ну да, вы там картины какие-то ловили, мама рассказывала, — он произнёс это с той нарочитой небрежностью, за которой Кирилл узнавал скрытую гордость. — Круто, наверное. У нас тут максимум велосипед сопрут.

— Не завидуй. У вас хоть тренер нормальный, ты говорил?

— Новый пришёл, орёт как из пушки, — Миша поднял мяч носком и легко перекинул его себе на бедро, потом на другое, не глядя. — Но играть с ним лучше стали, чего уж. В субботу матч, придёшь?

— Если тут раньше не закончу, приду.

Что-то в этой фразе, кажется, задело брата сильнее, чем он рассчитывал. Мяч упал на траву и остался лежать, неподхваченный.

— Слушай, — Миша посмотрел на него прямо, без всякой дурашливости, которая только что была на его лице, как маска, которую сняли одним движением. — А дядю Петю правда посадят?

Вопрос прилетел без разбега, в лоб, так, как умеют спрашивать только семнадцатилетние, ещё не научившиеся заворачивать страшное в вежливые формулировки. Кирилл почувствовал, как что-то в груди сжалось: не потому, что вопрос был неожиданным, а потому, что за ним стояло не праздное любопытство, а настоящий страх младшего брата, который вырос,

зная дядю Петю как человека, всегда готового достать из кармана карамельку и рассказать что-то про старые дома, про которые больше никто не помнит.

— Пока никто никого не посадил, — сказал Кирилл, стараясь, чтобы голос звучал ровно, буднично, так, как он говорил бы со свидетелем на месте преступления. — Его задержали, это другое. Следствие ещё идёт.

— Но его же нашли прямо там, с кровью на руках, я слышал.

— Мало ли что слышал. — Кирилл присел на край крыльца, похлопал рядом, приглашая брата сесть, хотя тот и не собирался, продолжая стоять, перекатывая мяч носком кроссовка. — Кровь на руках не значит, что человек убил. Значит, что он рядом был. Причины бывают разные.

— А ты правда сможешь его вытащить? — Миша всё-таки сел, чуть отступив от прямого вопроса к более осторожному, но не менее весомому. — Мама говорит, ты поэтому и приехал.

Кирилл посмотрел на брата, на его карие глаза, в которых было ровно столько взрослости, сколько может быть у семнадцатилетнего, который впервые видит, как беда касается не абстрактных людей по телевизору, а того, кого он называет дядей и кто научил его когда-то различать старую кирпичную кладку от советской, потому что «дом без истории — просто коробка, Миш, ты пойми».

— Я разберусь, — сказал Кирилл, и сам почувствовал, как эта фраза оказалась одновременно и правдой, и уклонением. Он не сказал «вытащу». Не сказал «он невиновен». Он сказал ровно то, что мог сказать честно, оставив себе пространство для маневра, которое умел оставлять на допросах, когда не хотел давать обещаний, которые потом придётся объяснять.

Но Миша, кажется, услышал именно то, что хотел услышать. Он выдохнул, как будто до этого момента держал воздух в себе, и на его лице снова проступила та полу-улыбка, с которой он вышел во двор.

— Ну ладно, — сказал он, поднимаясь и снова подхватывая мяч. — Если ты сказал, значит, разберёшься. Ты всегда так говоришь, а потом разбираешься.

Он произнёс это легко, без всякого пафоса, просто фиксируя факт, как фиксируют расписание тренировок или результат последнего матча. И в этой лёгкости было то, от чего у Кирилла что-то сдвинулось внутри, тяжело, без права на ошибку: брат не спрашивал, как он будет разбираться. Не спрашивал, есть ли у него улики, время, ресурсы. Просто верил — так, как верят дети в то, что взрослые умеют чинить сломанное, потому что взрослые всегда чинили.

— Иди мяч убери, — сказал Кирилл, чтобы не молчать дольше положенного. — И душ прими, от тебя за метр стадионом пахнет.

— От тебя бы тоже пахло, если бы ты хоть раз в жизни сыграл, а не сидел на трибуне с телефоном.

— Я на трибуне протоколы читал, а не в телефоне сидел.

— Ну да, конечно, — Миша фыркнул, но всё же двинулся к дому, забрав мяч, и уже у двери обернулся. — Слышь, Кир. Спасибо, что приехал.

Он сказал это быстро, будто стыдясь, и тут же скрылся за дверью, оставив после себя лёгкий стук бутс по крыльцу и запах свежей травы с поля.

Кирилл остался сидеть ещё минуту, глядя на двор, на качели, которые стояли на своём месте, как и десять лет назад. Он подумал о том, что от него сейчас ждут не процесса, не методичного разбора улик, не той обстоятельной работы, которую он привык делать в Москве неделями. От него ждут результата, простого и понятного: дядю Петю не посадят. И это ожидание, произнесённое без единого лишнего слова, легло на плечи тяжелее, чем любое официальное поручение начальства.

* * *

Отец пришёл, когда на столе уже стояла картошка с укропом и сковородка с котлетами остывала под крышкой. Он снял ботинки в коридоре, тщательно, будто это отдельная часть

рабочего дня, вошёл в кухню, кивнул Кириллу — коротко, одним движением подбородка, как здороваются мужчины, которым нет нужды говорить слов, — и сел на своё место у окна, спиной к стене. Кирилл заметил, что отец сегодня даже пиджак не снял до конца, оставил на спинке стула, будто в любой момент готов снова выйти.

— Ешь, — сказала мать, ставя перед ним тарелку. — Остынет.

— Спасибо, Ир.

Разговор за столом сложился сам собой, без усилий, как складывается он в доме, где давно привыкли не начинать вечер с плохих новостей. Ирина Александровна расспрашивала Мишу про завтрашнюю тренировку, тот отвечал с набитым ртом, между делом рассказывая, что тренер обещал поставить его на правый край, если Игорёк из девятого «Б» опять проспит разминку. Мать смеялась, качала головой, спрашивала, будет ли дождь в субботу на игру, и вообще вела себя так, словно единственное, что имеет значение сегодня вечером — это подсолнечное масло, которое кончилось, и надо будет завтра купить в магазине у почты, потому что в сетевом дороже на пятнадцать рублей.

Кирилл ел котлету и слушал этот разговор с тем странным вниманием, с каким слушают музыку, которую давно не слышали: узнавая интонации, но замечая, как сильно они изменились. Он поглядывал на отца.

Андрей Викторович ел мало. Он подцепил вилкой картофелину, покрутил её, отложил, взял снова, но так и не донёс до рта. Взгляд его уходил куда-то в сторону окна, туда, где за занавеской темнел двор, и возвращался с усилием, каждый раз чуть позже, чем требовалось для ответа на вопрос жены. Кириллу это было знакомо не хуже собственных рук: так вёл себя человек, который уже произнёс весь разговор у себя в голове, много раз, разными словами, и теперь боялся, что вслух получится не так.

— Тебе не понравилось? — спросила мать, заметив наконец недоеденную тарелку.

— Всё хорошо, Ир. Просто не голоден особо.

Он сказал это ровно, без нажима, но Кирилл увидел, как быстро отец после этих слов отвёл глаза обратно к окну, будто испугался, что взгляд жены прочитает больше, чем сказано.

Обед закончился так, как заканчиваются все семейные обеды, без объявления: тарелки опустели, разговор истощился сам собой, Миша спросил, можно ли ему добавки, получил половник картошки и снова замолчал, увлечённый едой. Андрей Викторович отодвинул стул, поднялся, застегнул пуговицу на манжете, хотя она и не расстёгивалась.

— Кирилл, — сказал он, не глядя на сына напрямую, — пойдём на веранду, покурим.

Ирина Александровна на секунду замерла с чашкой в руке, посмотрела на мужа с тем выражением, которое умеют иметь только жёны после тридцати лет брака: без вопроса, но со всем пониманием сразу. Отец не курил, но никто в доме не удивился этим словам, и это молчаливое отсутствие удивления сказало Кириллу больше, чем сказали бы любые прямые фразы: все знали, что «покурить на веранде» давно превратилось в код, означавший «нам нужно поговорить без лишних ушей».

— Миш, — сказала мать, поднимаясь и начиная собирать посуду, — иди помоги мне, пожалуйста, помоешь.

— Я только доел…

— Вот и хорошо, что доел. Бери тарелки.

Миша перевёл взгляд с матери на отца, потом на Кирилла, что-то понял по лицам, хотя вслух ему никто ничего не объяснил, и молча взял стопку тарелок, отправился к раковине.

Кирилл вышел на веранду вслед за отцом. Вечер был тёплый, но уже с той сентябрьской прохладой, что стекает с озера к дому вместе с сумерками, и пахло сырой травой и чем-то ещё, слабым, дровяным, будто у соседей топили баню. Кирилл сел на перила веранды, лицом к отцу. - Рассказывай, — сказал он.

* * *

— Усадьба Толстых, — сказал он. — На Селигере. Ты бывал там, наверное, в школе ещё, на экскурсии.

— Помню автобус и то, что там холодно было, — ответил Кирилл. — Больше ничего.

— Ну вот. Музей теперь. А раньше — усадьба, родственники Толстого владели, потом уже после революции чего только не было: и склад, и контора рыбхоза, и одно время, говорят, детский санаторий пытались открыть, не вышло. — Андрей Викторович смотрел куда-то в темноту сада, будто перечислял не по памяти, а читал по невидимой описи. — Здание переходило из рук в руки столько раз, что я, когда в отдел пришёл работать, полгода разбирался, кому что принадлежит формально. И то не до конца разобрался.

— В смысле не до конца?

— В смысле архивы. Часть документов по собственности потерялась ещё при национализации, в двадцатые годы. Тогда не до бумажек было, изымали, переписывали на скорую руку, кто и что закрыл печатью — потом концов не найдёшь. У нас в отделе до сих пор эта усадьба идёт с пометкой «правоустанавливающие документы уточняются». Уже сто лет уточняются.

Кирилл слушал молча, не перебивая. Он знал эту манеру отца — говорить обстоятельно, слоями, будто выкладывая документы один за другим на стол, и знал, что перебивать бесполезно: собьёшь порядок, и придётся начинать заново.

— Толстой ведь два раза там был, — сказал Андрей Викторович, помолчав. — В шестьдесят шестом, молодым ещё, и потом уже перед смертью, в девятьсот девятом. Местные это дело любят, каждую вторую байку туда приплетают. Мол, тут он гулял, тут думал, тут чуть ли не «Войну и мир» себе на коленке дописывал. Я лично не уверен, что половина из этого правда, но людям нравится.

— А по факту что известно?

— По факту — гостил у родни, было такое, документально подтверждено, это ещё до музея записано. А дальше уже фольклор.

Кирилл кивнул, глядя на отца сбоку. Свет из кухонного окна падал ему на профиль, вычерчивал морщины у рта резче, чем при дневном освещении, и Кирилл вдруг поймал себя на том, что рассматривает отца не как сын, а как свидетеля — привычка, которая включалась сама, без спроса, стоило только услышать интонацию человека, знающего больше, чем говорит.

— Пап, — сказал он ровно, — про кости. Ты говорил, стена обвалилась в подвале. Что там на самом деле нашли?

Андрей Викторович помолчал, будто взвешивал, стоит ли отвечать сразу или сначала уточнить источник вопроса.

— Официально мне никто ничего не сообщал, — сказал он наконец. — Я не в том отделе служу, чтобы мне докладывали про находки в подвалах музеев. Но по городу разное говорят. Кто-то слышал от кого-то, что стена обвалилась старая, кладка ещё дореволюционная, и там что-то было замуровано. Кости, да. Человеческие вроде.

— Давно замуровано?

— Кто ж скажет. Лет сто, может, больше. Может, меньше. Это уже экспертам решать, не мне.

Он произнёс это с той нарочитой сухостью, с какой чиновники говорят о вещах вне своей компетенции, будто заранее отгораживаясь от ответственности за неточность. Но тут же, помолчав секунду, добавил то, ради чего, кажется, и позвал сына курить.

— Есть одна вещь, — сказал он медленно, — которая мне самому покоя не даёт, хоть я её лет пять уже знаю и никому не рассказывал, потому что смысла не видел.

— Какая?

— По старым земельным описям, ещё дореволюционным, у усадьбы числится подземный ярус. Не просто подвал — именно ярус, как отдельное помещение, с указанием площади. А в советских техпаспортах его нет вовсе. Ни строчки. Как будто здание в двадцатом веке заново обмеряли и этот уровень просто не заметили. Или не захотели замечать.

Кирилл почувствовал, как что-то внутри отозвалось узнаванием, тем самым чувством, которое приходило на месте преступления, когда деталь ложилась не туда, куда должна была лечь по всем разумным причинам.

— Такое бывает? — спросил он. — Просто пропускают уровень при обмере?

— Бывает, если помещение засыпано или замуровано ещё до обмера. Тогда его физически не видно, и в паспорт оно не попадает — а откуда его увидят, если стена глухая? Но обычно хоть какое-то упоминание остаётся, в старых актах, в переписке. А тут — ничего. Будто специально вычеркнули.

— Или специально не искали.

— Или так, — согласился отец. — Я не делаю выводов, Кирилл. Я просто рассказываю тебе то, что знаю по документам. Дальше уже твоё дело — искать смысл или не искать.

Кирилл смотрел на тёмный сад за верандой, где сквозь ветки яблонь проглядывал слабый отсвет фонаря на соседней улице, и молчал. Пётр сидел в отделении не потому, что усадьба хранила подземные тайны столетней давности, — но факт неучтённого яруса, вычеркнутого из всех послереволюционных документов, был первой вещью за весь вечер, которая не имела прямого отношения к окровавленным рукам дяди и всё же требовала записи, отдельной, в самом начале списка, который Кирилл уже начинал составлять у себя в голове.

— Спасибо, пап, — сказал он. — Это уже кое-что.

Андрей Викторович пожал плечами, будто не считал, что сказал многое и первым шагнул к двери, оставляя сына одного на веранде с прохладным воздухом и мыслями, которые тот пока не спешил облекать в слова.

* * *

Комната встретила его тем же запахом: сухое дерево оконных рам, старая бумага, чуть заметная сырость от близкого озера. На письменном столе, том самом, за которым он делал уроки, лежал открытый блокнот, и Кирилл сел на скрипучий стул, придвинул лампу ближе и начал писать, отсекая от вечера всё лишнее — усталость, разговор с матерью про то, что он опять приезжает раз в год, шутки Миши про его московские привычки.

Он написал на чистом листе: «Пётр». Ниже, чуть отступив: «садовник». Ещё ниже: «стена». Потом, помедлив, дописал: «кости» и, наконец, самое неудобное — «подземный ярус, вычеркнутый». Слова легли в столбик, как показания на очной ставке, и он смотрел на них, пытаясь понять, что из этого улика, а что просто шум, случайно попавший в протокол.

Телефон завибрировал на столе, экран осветил комнату холодным пятном. Стас Валюженич, без предисловий, как будто продолжал разговор, начатый час назад, оставил сообщеение: «Кирюх, эксперт по костям отписался. Человеческие. Возраст захоронения — около ста лет плюс-минус, по костной ткани и по остаткам ткани одежды рядом. Ничего криминалистически свежего, если тебе интересно, — это не про твоего Петра. Но жуть конечно, да?»

Кирилл перечитал сообщение дважды, будто искал в нём подвох, которого там заведомо не было. Сто лет. Это укладывалось в тот самый забытый ярус, о котором говорил отец, — стена, простоявшая нетронутой с дореволюционных обмеров, вдруг обвалилась и выпустила на свет то, что должно было остаться немым свидетелем чужой, давно закрытой истории. Он отложил телефон и посмотрел на список в блокноте.

Раньше всё выглядело просто: садовник погиб от удара, Пётр оказался рядом не вовремя, кровь на его руках — это кровь чужая, а не его вина. Прямая линия от одного факта к другому, ясная и короткая, как хотелось бы следствию. Но теперь линия расщеплялась на две, и Кирилл физически ощутил, как в голове одна нить отделяется от другой: убийство, случившееся на

этой неделе, и смерть, случившаяся тогда, когда его прадеды ещё не родились. Может быть, они пересекались только местом — той же обвалившейся стеной, тем же подвалом. А может, нет. Разделять версии раньше времени было ошибкой, которую он не собирался повторять, но и слепо связывать их — тоже.

Он поднял голову, и взгляд наткнулся на книжную полку у окна, где среди учебников по географии и старых пластинок стояла в деревянной рамке фотография — сепия, потрескавшаяся по углам, мужчина в мундире с прямой спиной и внимательным, чуть насмешливым взглядом. В детстве Кирилл спрашивал у бабушки, кто это, и каждый раз слышал разное: то дед прадеда, служивший при царе , то просто дальний родственник, портрет которого достался семье случайно. Версии не совпадали, и с годами история обросла настолько противоречивыми деталями, что перестала быть историей и превратилась в узор, который никто уже не пытался распутать.

Кирилл смотрел на фотографию дольше, чем собирался. Что-то в развороте плеч, в прищуре человека на карточке казалось ему знакомым — не по портретному сходству, а по чему-то более странному, будто он уже видел это лицо не на бумаге, а в движении.

Комната вдруг качнулась — не физически, а так, будто звук в ней стал плотнее, гуще, как перед грозой. На секунду до него донёсся обрывок голосов, двух мужских голосов, говоривших неразборчиво, слишком быстро и слишком тихо, чтобы разобрать хоть слово, и в этом звуке было что-то от набережной, от воды, плещущей о деревянные мостки. Он вздрогнул, схватился за край стола, но всё уже кончилось: комната снова стала обычной, лампа светила ровно, за окном шумели яблони.

Кирилл несколько секунд сидел неподвижно, прислушиваясь к собственному сердцу, которое билось чуть быстрее, чем следовало бы от простой усталости. Потом усмехнулся сам себе, коротко и невесело: день за рулём, разговор с отцом на веранде — немудрено, что в ушах начинает звенеть невесть что. Он захлопнул блокнот, положил его на тумбочку рядом с телефоном и погасил свет.

Сон не шёл. В темноте, за закрытыми веками, усадьба на Селигере, безымянный скелет за обвалившейся стеной и лицо человека в мундире на старой фотографии упрямо отказывались складываться в три разные, ничем не связанные истории, как он ни пытался их развести. Они льнули друг к другу, будто ждали, что кто-то наконец соединит их в одну.

Глава 3. Подвал с двумя телами

Усадьба открывалась взгляду постепенно, сквозь редеющий утренний туман: белые колонны фасада, облупившиеся ровно настолько, чтобы это читалось как патина времени, а не запущенность, старые липы вдоль подъездной дороги и жёлтая полицейская лента, натянутая между двумя столбами так криво, что напоминала бельевую верёвку больше, чем ограждение места преступления.

Дежурный у входа — молодой, с красными от недосыпа глазами — смотрел на удостоверение Кирилла с той смесью почтения и подозрения, с какой провинциальные сержанты смотрят на московские корочки.

— Родственник, значит, — сказал он, возвращая удостоверение. — Макаров ваш дядя?

— Двоюродный брат отца. Я не по делу приехал, в отпуск. Просто хочу посмотреть, где это случилось. Не трогать ничего, честное слово.

Сержант помолчал, взвешивая, потом кивнул в сторону здания.

— С директором договаривайтесь. Он тут царь и бог, покуда наши не приехали разбираться дальше.

Директор появился раньше, чем Кирилл успел дойти до крыльца — вышел навстречу быстрым, чуть подпрыгивающим шагом, на ходу застёгивая пиджак, будто сцена требовала официального вида.

— Заплатин, Сергей Владимирович, — представился он, протягивая влажную ладонь. — Вы, я слышал, из органов? Из Москвы?

— Неофициально, — уточнил Кирилл. — Родственник.

— Ах, да, да, конечно, я понимаю, это ужасная история, ужасная. — Заплатин говорил быстро, глотая окончания. — Мы, знаете, работаем строго по графику, усадьба открыта для посетителей с десяти до восемнадцати, кроме понедельника, санитарный день, всё как положено, все документы в порядке, лицензии, охрана труда, у нас даже видеонаблюдение на входе, только вот в подвал камеры не заведены, там всё-таки исторический объект, нельзя же сверлить стены...

Он говорил так, точно перед ним стояла комиссия, а не один усталый человек с двухнедельным отпуском в кармане, и Кирилл невольно поймал себя на мысли, что никто ещё не спрашивал у Заплатина ни про лицензии, ни про санитарный день.

Сторож стоял чуть в стороне, у угла здания, — сухонький, но крепкий старик лет шестидесяти восьми, в клетчатой рубашке навыпуск, и методично протирал тряпкой связку ключей, хотя ключи явно давно были чистыми. Взгляд он держал куда-то в сторону озера, не встречаясь глазами ни с директором, ни с Кириллом.

— Игнат Петрович, — тихо представил его Заплатин, заметив, куда смотрит гость. — Много лет у нас, знает усадьбу лучше меня.

Сторож на своё имя не отозвался ни словом, ни взглядом, только чуть сильнее сжал тряпку.

На двери подсобного крыла, ведущей во внутренний двор, висела новая табличка — «Закрыто на реставрацию», буквы неровные, будто написанные впопыхах на первом попавшемся куске картона и прибитые гвоздём криво, наспех, без уровня.

— Когда повесили? — спросил Кирилл, кивнув на табличку.

— Вчера, — быстро ответил Заплатин. — То есть позавчера еще. Как только... как только всё случилось. Нужно было как-то объяснить закрытие для экскурсионных групп, у нас же расписание, туристы едут из Осташкова, из Твери, нельзя же просто написать «убийство», представляете, что будет?

— Представляю, — сказал Кирилл нейтрально.

Заплатин повёл его к чёрному ходу, который спускался к подвалу отдельной, узкой лестницей — очевидно, служебной, не туристической. У самой двери он вдруг остановился, будто вспомнив что-то, и произнёс, понизив голос почти до шёпота:

— Знаете, что самое страшное? Там скелет какой-то, в стене, представляете? Столетний, говорят. Совпадение просто чудовищное — за сто лет ничего, и вдруг сразу и то, и это. Мы тут двадцать лет работаем, ничего подобного не было.

Он произнёс это с таким видом, будто ждал от Кирилла подтверждения, что совпадение и правда чудовищное, и одновременно — будто сам не до конца в это верил.

Кирилл кивнул, ничего не ответив, и мысленно отметил: человек нервничает сильнее, чем полагается директору музея, у которого произошла неприятность, но не преступление лично против него. Заплатин говорил слишком много для того, кто просто напуган случившимся, — так говорят люди, которые заранее продумали, что скажут, и теперь боятся сбиться с заготовленного текста. Это могло быть простой боязнью за репутацию учреждения, за финансирование, за место — а могло быть чем-то другим. Пока рано было решать, чем именно.

Сторож тихо шел за ними, протирая ключи, которые давно блестели, и Кирилл поймал себя на мысли, что за всё это время старик не произнёс ни слова — ни поздоровался, ни выразил сочувствия, ни спросил, кто он и зачем пришёл. Молчание тоже бывает разным: одно — от равнодушия, другое — от того, что человек боится сказать что-то лишнее.

Дверь в подвал была приоткрыта, оттуда веяло сырым каменным холодом, и Заплатин, взявшись за ручку, вдруг замешкался, точно ему не хотелось спускаться первым.

— Вам не по себе там будет, — сказал он неожиданно тихо, без прежней суетливости. — Мне до сих пор не по себе.

Кирилл шагнул мимо него на лестницу.

* * *

Ступени были стёсаны посередине — вековая выемка от чужих подошв, — и Кирилл ступал осторожно, держась ближе к стене, где кирпич ещё держал шершавую сухость. Ниже сырость взяла своё: воздух загустел, запах земли и извести смешался с чем-то более резким, металлическим, к которому Кирилл давно привык на работе и который всё равно каждый раз находил его первым, раньше глаз. Своды здесь были выше человеческого роста с запасом сантиметров в десять, но он невольно пригнул голову, хотя нужды в этом не было — просто тело само подобралось, готовясь к тесноте.

Заплатин спускался следом, держась за перила рукой, которая заметно подрагивала, а сторож замыкал шествие, и Кирилл слышал за спиной только шарканье старых ботинок по камню — ни слова, ни вздоха.

Внизу подвал расширялся неровным залом, разгороженным парой арок на отсеки, и там, у дальней стены, зияла дыра — свежий пролом в старинной кладке, грубый, с осыпавшимся раствором и рваными краями кирпича, будто кто-то бил в стену не инструментом, а отчаянием. За проломом темнела ниша, и в этой темноте угадывались очертания того, что криминалисты пока не тронули до конца: часть костей всё ещё держалась в известковой обмазке, вросшая в стену так плотно, что казалась продолжением кладки, а не человеком. Тело — если это можно было ещё назвать телом — лежало в позе, которая не оставляла сомнений: так не ложатся, так падают, скрючившись, когда пространство ловушки не даёт распрямиться. Кирилл всмотрелся, чувствуя, как внутри что-то холодеет привычным, рабочим холодом, и подумал, что человек, замурованный здесь сто лет назад, умирал долго и знал об этом.

Рядом с проломом на низком каменном выступе стояла шкатулка. Резная, потемневшая от времени, с треснувшей по диагонали крышкой, — она была покрыта той же ровной серой пылью, что и всё вокруг, без единого свежего пятна или отпечатка пальца, будто её просто вынули и поставили, не открывая. Кирилл присел на корточки, не касаясь, и вгляделся в трещину: пусто, ни клочка бумаги, ни намёка на то, что внутри когда-то что-то лежало, кроме

тонкого налёта прежней, вековой пыли на дне, отличной по оттенку от той, что оседала снаружи в последние дни.

Он перевёл взгляд ниже и левее, туда, где на каменных плитах темнело бурое пятно неправильной формы, уже подсохшее, растрескавшееся по краям, обведённое белым мелом в грубый, неровный овал. Контур был нарисован второпях — кто-то из местных полицейских, судя по нетвёрдой линии, торопился, — и от этого пятно казалось ещё более настоящим, чем если бы его оградили аккуратной лентой. Здесь упал человек. Здесь его нашли.

Кирилл достал телефон и начал снимать — не для протокола, для себя: общий план ниши со скелетом, крупно шкатулку, отдельно контур на полу, потом всё вместе, чтобы после, дома, разложить по памяти расстояния между предметами. Пролом и меловой контур разделяло метра три открытого пространства, шкатулка стояла почти на равном удалении от того и другого, будто нарочно оставленная на нейтральной территории. Он щёлкнул ещё раз, поймав в кадр угол ниши и полосу света от переносного фонаря, который кто-то из экспертов забыл здесь, воткнутым в розетку удлинителя.

— Никто не трогал эту стену, — пробормотал за спиной Заплатин, и голос его дрогнул на каждом слове. — До этой недели никто. Я двадцать лет здесь, ни разу не было повода, стена как стена.

Он замолчал, будто испугался, что сказал лишнее, и посмотрел на сторожа, ища подтверждения. Старик кивнул, коротко, одним движением подбородка, и снова замер, спрятав руки в карманы форменной куртки. Кирилл отметил этот кивок: не согласие даже, а привычка соглашаться с начальством, доведённая до автоматизма годами службы. От сторожа нельзя было добиться слова — не потому, что тот боялся сказать неправду, а, кажется, потому что не привык говорить вообще, разве что по крайней необходимости.

Кирилл выпрямился, окинул взглядом весь подвал ещё раз, целиком: низкие своды, две арки, пролом, нишу, шкатулку, меловой контур — и почувствовал то знакомое, неприятное ощущение, которое всегда возникало на месте, где что-то случилось внезапно, без подготовки. Рана садовника, о которой ему успел рассказать Стас по телефону утром, — рваная, нанесённая тяжёлым неровным предметом, без прицельности, будто рука ударила не потому, что решила, а потому, что не успела решить иначе, — плохо сочеталась с картиной спланированной ловушки. Ловушка предполагает подготовку: верёвку, засаду, орудие под рукой заранее. Здесь же всё выглядело так, будто двое оказались в этом подвале одновременно и не по одному плану, а столкнулись — и один из них не пережил встречи.

Он ещё раз посмотрел на нишу со скелетом, потом на пустую шкатулку, потом на пятно на полу, пытаясь понять, что связывает три этих предмета, кроме общего пространства в три квадратных метра сырого камня. Ответа пока не было, только ощущение, что все три вещи говорят об одном и том же деле, просто на разных языках — один язык столетней давности, другой — позавчерашней ночи.

— Вы позволите мне осмотреться ещё немного? — спросил он, не оборачиваясь, и услышал за спиной, как Заплатин торопливо забормотал что-то согласное, а сторож молча отступил на шаг назад, ближе к лестнице, будто хотел оказаться подальше от этого угла подвала при первой возможности.

* * *

Заплатин переступил с ноги на ногу, и половица под ним отозвалась долгим сухим скрипом — единственным звуком в подвале, если не считать капели где-то в дальней арке.

— Пётр Николаевич в последние дни задерживался, — сказал он, глядя не на Кирилла, а на меловой контур на полу, будто тот мог что-то подтвердить или опровергнуть. — Говорил, опись экспонатов не сходится, надо перепроверить. Я не вникал особо, у него всегда что-то не сходится, он въедливый, это ж искусствовед, у них так принято. Мне и в голову не могло прийти, что он там… что он вообще спускается сюда по вечерам.

— По вечерам, — повторил Кирилл негромко, не как вопрос, а как крючок, на который он вешал следующую фразу. — А в тот вечер, когда нашли тело, во сколько вы сами узнали?

— В восемь примерно. Может, чуть раньше. — Заплатин моргнул, потёр переносицу. — Нет, постойте, в семь. Мне сказал сторож, я как раз… да, около семи было, я ещё домой не ушёл, задержался, у нас новая экспозиция готовится, витрины, надо было с накладными разобраться…

— Восемь или семь? — Кирилл не повышал голоса, просто держал паузу чуть дольше, чем требовал разговор, и смотрел, как директор снова моргает, быстро, будто от яркого света.

— Семь. Да, семь, я путаю, простите, тяжёлый день был. — Он сцепил пальцы перед собой, и Кирилл отметил, что руки у него не дрожат, а вот голос — да, дрожит на каждом третьем слове, будто спотыкается о невидимый порог.

Кирилл кивнул, не записывая ничего в блокнот, — этого он никогда не делал при собеседнике, если хотел, чтобы тот продолжал говорить свободно, — и сменил направление, будто просто уточнял формальность.

— Кто ещё имеет доступ к этому подвалу? Ключи, сигнализация, что там у вас.

Заплатин замешкался на секунду дольше, чем требовал сам вопрос.

— Связка ключей у меня. — Он повёл рукой неопределённо, будто хотел этим жестом закрыть тему. — Раньше, кажется, ещё у завхоза был комплект, но завхоз у нас сменился в прошлом году, я не уверен, передали ли ключи новому или как… это надо в журнале смотреть, у нас всё фиксируется.

— В журнале, — повторил Кирилл. — Я бы хотел на него взглянуть.

— Да, конечно, конечно, — быстро согласился директор и посмотрел куда-то в сторону лестницы, будто уже прикидывал, как поскорее закончить этот разговор и подняться наверх, к свету и к своему кабинету, где всё было привычным и объяснимым.

Кирилл наблюдал за ним и думал, что растерянность бывает двух родов. Одна — искренняя, когда человек действительно не понимает, что происходит, и хватается за первую попавшуюся деталь, лишь бы заполнить тишину. Другая — тщательно выстроенная, когда человек знает больше, чем говорит, и растерянность становится удобной маской, под которой можно спрятать паузы там, где они нужны для выбора слов. Заплатин путался в часах слишком естественно, чтобы это было наигранным, но вопрос о ключах он обошёл так гладко, что гладкость эта сама по себе становилась подозрительной.

— Пётр Николаевич говорил вам, что именно он ищет в описи? — спросил Кирилл, меняя угол.

— Нет, ну… — Директор снова замялся, и на этот раз пауза была длиннее, чем все предыдущие. — Он что-то говорил про бумагу какую-то, старую, что нашёл упоминание в архивных документах усадьбы, но я не придал значения, у него постоянно какие-то находки, он же увлечённый человек, роется в фондах…

Он осёкся на середине фразы, будто услышал сам себя со стороны, и лицо его на мгновение приобрело выражение человека, только что понявшего, что сказал лишнее.

— Впрочем, это неважно, наверное, — торопливо добавил он и махнул рукой в сторону разрушенной стены. — Вот что важно, вот эта стена, скелет этот… у нас же теперь целая комиссия, эксперты, всё это надо оформлять как находку, я уже в министерство культуры писал, представляете, какая теперь морока с этим будет…

Кирилл слушал вполуха, как директор перескакивает на бюрократические заботы, но про себя отметил фразу про бумагу так, как отмечают на карте место, куда ещё предстоит вернуться. Про какую бумагу шла речь, Заплатин не сказал ни слова больше, и сам поспешил увести разговор в сторону, будто испугался собственной откровенности. Может, он действительно не придавал этому значения тогда, а вспомнил только сейчас, задним числом, соединив раз-

розненные факты. А может, знал больше, чем говорил, и теперь спешно заделывал трещину, через которую случайно просочилось лишнее.

— Хорошо, — сказал Кирилл ровным голосом. — Журнал с ключами я посмотрю сегодня же, если можно.

— Да, да, конечно, — закивал Заплатин с явным облегчением, что тема сместилась на что-то безопасное, документальное, — я сейчас распоряжусь, чтобы вам всё показали.

Он повернулся к лестнице, и Кирилл заметил, как плечи его чуть опустились, словно с них сняли невидимый груз, — обычная реакция человека, который считает разговор законченным раньше, чем это на самом деле так.

* * *

Директор скрипнул башмаками по лестнице, и звук его шагов растаял где-то в коридоре над головой — там, наверху, ещё пахло свежей краской и музейной пылью, а здесь, в подвале, воздух был другим: тяжёлым, влажным, со странным металлическим привкусом, который Кирилл давно научился не путать ни с чем другим.

Сторож переступил с ноги на ногу и покосился на лестницу, будто проверяя, не вернётся ли директор раньше времени. Убедившись, что путь свободен, он расслабил плечи ощутимо, как выдыхает человек, слишком долго стоявший навытяжку.

— Вы уж простите Сергея Владимировича, — сказал он вдруг, не дожидаясь вопроса, — он у нас на нервах весь, комиссии эти, министерство… а тут ещё труп. Немолодой человек, а такое пережить.

— Игнат Петрович, если не ошибаюсь? — уточнил Кирилл, глядя не на сторожа, а на разбитую стену за его плечом.

— Он самый.

— Расскажите мне ту ночь. Своими словами, без директора.

Сторож помолчал, потёр пальцем висок, точно вытирая невидимый пот.

— Слышал я звук, — сказал он наконец, понизив голос, хотя рядом никого не было. — Глухой такой, будто мешок с песком бросили. И возню после — вроде как что-то шаркало по полу. Подумал, коты. У нас коты в подвал через отдушину лазают, гоняют мышей, я уж привык к этой возне, не пошёл смотреть. Кто ж знал…

Он не закончил фразу, и Кирилл не стал подгонять — пауза сама сказала достаточно.

— Во сколько это было?

- В восемь примерно. Я как раз обход делал, у окна конторки стоял, курил.

Кирилл на мгновение задержал взгляд на сторожевом лице, ничем не выдав, что цифра эта не совпадает с тем, что говорил Заплатин наверху. Директор называл семь-восемь часов.

— Свет видели? Фонарик, может быть?

— Нет, темно было, я со своим фонарем был.

— А садовник ваш каким последние дни был? — спросил он, меняя направление. — Обычным?

Сторож фыркнул, и в этом фырканье впервые за разговор прозвучало что-то похожее на живое чувство, не служебную осторожность.

— Да какой обычный. Весёлый ходил, не по погоде весёлый. Вы бы видели его — то в саду что-то высматривал, то в кустах возле ограды копался, то вдруг песню замурлычет себе под нос, а раньше за ним такого не водилось. Я ещё жене говорил: чего это Николаич сияет, как медный пятак, нашёл клад, не иначе.

Он усмехнулся собственной шутке, но усмешка быстро сошла с лица — видно, вспомнил, кем эта шутка обернулась.

— А ключи от этой двери у кого были? — спросил Кирилл, кивнув на дверцу в подземный ход.

Тут сторож ответил без запинки, прямо и почти равнодушно, точно вопрос этот его вовсе не смущал:

— Связка одна на всё хозяйство. Директор её обычно у себя в кабинете держит, но частенько на крючок в конторке вешает, чтоб не таскать зря. Так что достать её мог, считай, кто угодно — я, Геннадич покойный, Пётр Николаевич, да уборщица.

Кирилл ничем не выдал, что фраза эта прямо перечёркивает утверждение директора наверху — Заплатин говорил про ограниченный доступ, про то, что ключи хранятся строго под его личным контролем, и на этом строил свою уверенность, что посторонний в подвал попасть не мог. Сторож же обрушил эту версию одной небрежной фразой, не подозревая, кажется, что сказал что-то важное.

Две картины — время звука и света, названное по-разному, и доступ к ключам, описанный прямо противоположно, — не совпадали друг с другом, как не совпадают два свидетеля, видевших одну сцену с разных концов улицы. Кто-то из них ошибался. А может быть, оба говорили правду каждый о своём куске вечера, и правда эта просто не желала складываться в одну ровную линию.

Наверху скрипнула половица, и сторож вздрогнул, повернув голову к лестнице так резко, что даже ватник на плечах дёрнулся. По ступеням спускался Заплатин, неся под мышкой потрёпанный канцелярский журнал в клеёнчатой обложке, и лицо его, только что бывшее спокойным, снова приобретало то выражение хозяина усадьбы, который следит за всем, что здесь говорится.

— Игнат Петрович, вы тут не заскучали? — спросил директор с деланной лёгкостью.

— Да что вы, — торопливо отозвался сторож, и голос его сразу стал суше, официальнее, будто вернулся в форму, которую он снимал только в отсутствие начальства. — Вот, погоду обсуждаем с товарищем следователем. Дожди обещают к выходным, а у нас крыша над западным крылом течёт, надо бы…

Он замолчал, не закончив мысль о крыше, и уставился в пол с видом человека, у которого внезапно кончились слова.

* * *

Директор и сторож ушли наверх — директор с журналом под мышкой торопился к телефону, обещая кому-то, что «всё под контролем», сторож семенил следом, всё ещё бормоча про крышу. Кирилл остался один в подвале, и тишина здесь оказалась плотнее, чем наверху: ни скрипа половиц, ни звука шагов, только гул в собственных ушах и ровный свет переносной лампы, которую эксперты забыли выключить.

Он присел на корточки у мелового контура. Тело увезли ещё вчера, но пол хранил след — тёмное пятно, впитавшееся в старые доски так, что его не отмыть уже никакой шваброй. Кирилл наклонился ниже, разглядывая форму брызг. Они разлетались неровно, широким веером в сторону от контура головы, а не собирались в плотную группу, как бывает, когда удар наносят из укрытия, точно рассчитанным движением. Засадный удар обычно даёт компактное скопление — бьющий стоит близко, знает угол, знает момент. Здесь же брызги шли вразброс, будто камень обрушился неожиданно и для того, кто бил, тоже.

Он достал из кармана рулетку, хотя нужды в ней не было — просто привычка, способ занять руки, пока думает голова. Рядом с контуром, у пролома в стене, лежала кучка обломков кирпича и известкового раствора, присыпанных мелом, где эксперты уже искали отпечатки. Один из обломков был крупнее остальных, с острым сколом на боку — судя по описи в протоколе, именно его признали орудием убийства. Не молоток, не лом, не что-то из инструментов садовника, которых в подвале хватало. Обычный кусок старой кладки, отвалившийся от стены, когда её разбирали в поисках хода. Значит, тот, кто ударил, не приходил сюда с оружием в руках. Оружие подвернулось само, в момент, когда всё уже пошло не так.

Кирилл выпрямился и обошёл контур сбоку, глядя то на пролом в стене, то на место, где лежало тело. Ниша со скелетом находилась справа от контура, шагах в двух с половиной, а сам контур головы был развёрнут так, что лицо смотрело в противоположную сторону, к лестнице. Он представил себе садовника — невысокого, судя по описанию сторожа, крепкого мужчину, который стоял здесь, у самого пролома, спиной к нише, где столетие пролежал чей-то скелет, и смотрел куда-то в сторону лестницы или на что-то в руках. Стоял, отвлечённый — может быть, светил себе фонариком в шкатулку, может быть, разговаривал с кем-то, кто был рядом. И не видел, что происходит у него за спиной.

Не так убивают по плану. Планирующий убийца выбирает позицию заранее, бьёт спереди или сбоку, туда, где видит цель, а не туда, где она случайно оказалась спиной. Здесь удар пришёлся именно со спины, наотмашь, судя по форме и глубине вмятины в мелу — не потому что кто-то выбирал момент, а потому что момент выбрал себя сам. Это была стычка. Секундная, внезапная, с камнем, который оказался под рукой, а не принесён с собой в кармане куртки.

Кирилл присел обратно на корточки и посмотрел на контур долгим взглядом. Официальная версия, та, что уже легла в дело против Петра, рисовала совсем другую картину: искусствовед, застигнутый на месте с окровавленными руками, поднимает камень и бьёт человека, который мешает ему одному завладеть находкой. Расчётливо, хладнокровно, ради выгоды. Но человек, который спланировал убийство ради выгоды, не станет бить наотмашь камнем из разрушенной стены — он либо принесёт что-то своё, либо ударит спереди, глядя жертве в лицо, зная, за что бьёт. Здесь же всё вышло рвано, некрасиво, будто оба — и убийца, и жертва — оказались застигнуты одним и тем же мгновением врасплох.

Он поднялся, отряхнул колени и медленно пошёл вдоль стены, в одном месте кладка выглядела как бы новее, меньше пыли что-ли. Кирилл провел рукой, постучал, нет стена как стена, глухой звук.

Вернувшись к меловому контуру, он достал телефон и присел на корточки в третий раз за утро. Снял несколько кадров крупным планом: форму пятна, направление брызг, скол на камне, положение обломков относительно ниши. Снимки выходили тусклыми при свете переносной лампы, и он поправил угол, чтобы тень не легла на самое важное — на разлёт капель, который так упрямо не хотел совпадать с версией спланированного убийства. Он собирался сравнить эти кадры с протоколом, который лежал теперь где-то в деле против Петра, и был почти уверен, что там о форме брызг не сказано ни слова — только про кровь на руках задержанного, ни слова про то, как она легла на пол.

* * *

Во дворе усадьбы солнце вышло из-за облака, и старые окна первого этажа блеснули так, что на мгновение стало трудно смотреть на фасад. Кирилл прищурился, разглядывая здание уже не как посетитель, а так, как привык смотреть на любое место после осмотра: снизу вверх, от фундамента к крыше, будто проверяя дом на прочность. Свежая табличка «Усадьба-музей рода Толстых. Экскурсии по предварительной записи» висела криво, чуть съехав на одном шурупе, и это почему-то раздражало больше, чем должно было. У самой двери, переминаясь с ноги на ногу, стоял директор , то и дело оглядывающийся на оцепление, будто пересчитывал ленту метрами.

Кирилл прошёл несколько шагов по гравийной дорожке и остановился, позволяя себе редкую роскошь — просто постоять и разложить по полочкам то, что накопилось за утро.

— Кирилл Андреевич? — директор всё-таки решился окликнуть, подойдя чуть ближе, чем позволяла вежливая дистанция. Он мял в руках какую-то бумажку, кажется, список экспонатов, и явно не знал, куда деть глаза. — А оцепление это… надолго? У нас на субботу школьная экскурсия записана, я звонить им должен, отменять или нет.

Вопрос повис в воздухе — до нелепости практичный для человека, у которого накануне в подвале собственного музея убили сотрудника. Кирилл посмотрел на него чуть дольше, чем требовала простая вежливость.

— Это не ко мне, — сказал он ровно. — Я здесь неофициально. У следователя спросите.

— А, ну да, — директор явно смутился, поспешно спрятал список в карман, будто тот его выдал. — Просто дети же, программа сорвётся…

Он не договорил, отступил на шаг, и Кирилл понял: страх за расписание экскурсий оказался у этого человека сильнее страха перед смертью в подвале собственного музея — либо директор действительно так устроен, либо ему очень нужно, чтобы жизнь усадьбы вернулась к обычному распорядку как можно быстрее, пока никто не начал задавать неудобных вопросов сверх положенного.

Кирилл коротко кивнул, давая понять, что разговор окончен, и пошёл к машине, оставленной у ворот. По пути он ещё раз мысленно прогнал всю цепочку: окровавленные руки Петра, найденного рядом с телом, — вот и всё, чем держится дело против него. Ни формы пятна, ни направления брызг, ни того обстоятельства, что расчётливый убийца не хватает первый попавшийся камень из разрушенной кладки. Следствие увидело картинку — человек рядом с трупом, руки в крови — и сочло её достаточной, потому что она была под рукой, точно так же, как убийце подвернулся тот самый камень. Слишком удобная версия, слишком быстро собранная, чтобы быть правдой целиком.

Значит, следующий шаг очевиден. Нужно поговорить с самим Петром — единственным человеком, кто действительно видел, что происходило в подвале в те минуты до его прихода, кто слышал шум и спустился, кто держал умирающего садовника за плечи и слышал его последние слова.

Кирилл сел за руль, вставил ключ в замок зажигания, но не повернул его сразу. Он сидел, глядя на усадьбу через лобовое стекло, и не мог отделаться от неприятного, тянущего чувства — будто там, внизу, среди меловых контуров и переносных ламп, он прошёл мимо чего-то важного. Не сформулированного, не названного, но замеченного краем сознания, тем самым взглядом, каким фиксируешь десяток деталей одновременно, ещё не понимая, какая из них выстрелит позже. Пыль. Что-то было не так с этой пылью, но мысль ускользала, как рыба из рук, стоило потянуться к ней всерьёз.

Он повернул ключ, и мотор завёлся с полуоборота.

Глава 4. Ищи дверь

Стас взял трубку после третьего гудка, и по фону — приглушённые голоса, скрип принтера — Кирилл понял, что застал его прямо на рабочем месте.

— Ну что, москвич, — сказал Стас вместо приветствия. — Уже соскучился?

— Мне нужно попасть к Макарову. К Петру Николаевичу. Дело в ИВС сейчас у кого?

— У Гущина, — Стас понизил голос, будто дверь кабинета была тоньше, чем ему хотелось бы. — Тот ещё сухарь. Формально тебе туда вообще ход закрыт, ты никто в этом деле, ни следователь, ни адвокат.

— Я родственник.

— Двоюродный племянник двоюродного брата, — хмыкнул Стас. — Впечатляюще звучит для протокола. Ладно, попробую перекинуть слово, но ничего не обещаю. Гущин любит, чтобы всё по бумажке.

Он перезвонил через двадцать минут, и в голосе уже не было той лёгкости.

— Пятнадцать минут, не больше. И Гущин просил передать, что делает это исключительно потому, что у задержанного нет других посетителей, а состояние у него, по словам конвоя, неважное. Так что не благодари меня, благодари чужую жалость.

Кирилл поблагодарил всё равно и через час стоял в коридоре ИВС — узком, крашенном той казённой зелёной краской, что не меняется десятилетиями ни в одном отделении страны, — и ждал, пока дежурный сверится с журналом. Пахло хлоркой и сырым бетоном, где-то за одной из дверей монотонно гудел вентилятор.

Пока ждал, он ещё раз прокрутил в голове разговор с директором и сторожем — тот самый, из-за которого весь день не отпускало ощущение трещины между двумя показаниями. Директор настаивал на семи вечера, сторож — на восьми с половиной, называя это временем со странной, чуть виноватой уверенностью человека, который сверялся с чем-то конкретным, а не с памятью. Директор говорил, что ключи от подвала и тайной двери есть только у него, единолично, и был в этом почти демонстративно категоричен, — а сторож, стоило Кириллу отвести того в сторону, признался, что запасная связка всегда висела в дежурке, доступная любому, кто там работает не первый год. Кто-то из двоих ошибался. Или лгал. Или оба, каждый по своей причине.

Три вопроса он сформулировал ещё в машине, пока ехал сюда, и теперь мысленно повторил их, как повторяют перед экзаменом. Первое: что именно Пётр услышал, когда спустился в подвал — шум борьбы, крик, падение чего-то тяжёлого? Второе: в каком состоянии он застал садовника — тот уже лежал неподвижно, или ещё пытался что-то сказать, сопротивлялся? И третье, самое важное, ради которого весь этот разговор и затевался: что сказал садовник перед смертью, если сказал вообще что-нибудь. Официальный протокол об этом молчал — либо не спрашивали, либо спросили и не сочли важным, что само по себе было по-своему красноречиво.

Дверь конвойного помещения открылась, и молодой сержант, коротко взглянув в бумажку у себя в руке, кивнул на дальний конец коридора.

— Капитан Ост. — Пятнадцать минут, время пошло с момента, как заведут. И без передач, сумку оставьте здесь.

* * *

Пётр Николаевич сидел на привинченной к полу табуретке, ссутулившись так, что казался меньше своего обычного роста, и разглядывал собственные ладони, будто видел их впервые. Пальцы у него подрагивали — не крупно, не заметно постороннему глазу, но Кирилл

эту дрожь отметил сразу, ещё с порога, профессиональной привычкой замечать то, что человек сам за собой не наблюдает.

— Пётр Николаевич.

Тот поднял голову не сразу, а когда поднял, взгляд ещё секунду блуждал где-то в стороне от Кирилла, точно не мог сфокусироваться.

— Кто вы?..

— Кирилл. Сын Андрея Викторовича. — Он сел напротив, стараясь, чтобы голос звучал ровно, по-домашнему, без того металла, что въедается в интонацию после десяти лет допросов.

— Кирилл… — Макаров медленно моргнул, и что-то в его лице чуть отпустило, как будто имя наконец зацепилось за реальность. — Кирилл, да. Андрюшин сын. Не узнал, что-то мне совсем плохо. Ты в Москве, кажется…

— Я в отпуске. — Он не стал уточнять, что отпуск был взят ровно ради этого разговора. — Приехал разобраться, что тут вообще произошло. Не как следователь, Пётр Николаевич. Просто по-родственному. Мне нужно понять, что случилось, чтобы помочь вам.

Макаров долго молчал, и в этой паузе было что-то от глубокого, застоявшегося недоумения человека, который до сих пор не может поверить, что оказался тем, кем оказался.

— Я не убивал его, — сказал он наконец, тихо, не глядя на Кирилла, а куда-то в угол комнаты. — Ты же понимаешь. Я его нашёл. Уже… уже таким.

— Расскажите, как это было. С самого начала. Что вы делали в тот вечер.

Макаров потёр лицо ладонями, и Кирилл снова заметил дрожь — теперь она была заметнее.

— Я задержался в архиве. Как всегда. — Он слабо, почти виновато улыбнулся, будто извинялся за собственную привычку. — Директор давно ворчит, что я там до ночи сижу, но у меня документы… описи усадебного имущества, письма, там всё вперемешку. Я нашёл упоминание одно, важное, и не мог оторваться. Знаешь, как бывает — вцепишься в строчку и забываешь про время совсем.

— Про какую строчку?

— После, — Макаров дёрнул плечом, будто отмахиваясь от вопроса, и Кирилл решил не давить, отложил на потом. — Я сидел в кабинете на втором этаже, окна во двор. И вдруг слышу — снизу, из-под пола почти, глухой такой звук. Не крик, нет. Что-то тяжёлое, будто мешок уронили или камень. Один раз, потом тишина.

— Сразу поняли, что это из подвала?

— Не сразу. — Макаров нахмурился, вспоминая, и в этом усилии вспомнить была настоящая, неподдельная работа памяти, не игра. — Сперва подумал, крыса какая-то стеллаж уронила, у нас там старые полки, шаткие. Но потом ещё звук — вроде как кто-то что-то тащит. И я спустился.

— Один? Никого не позвали?

— А кого звать? Директор давно домой ушёл, сторож у себя в каморке, наверное, я не проверял. — Он замолчал, будто заново переживая тот момент, спуск по лестнице в темноту. — Я взял телефон. Спустился в подвал.

— И что увидели?

Макаров прикрыл глаза, и Кирилл понял, что тот сейчас не в этой комнате, а там, среди сырых стен и запаха земли.

Свет там был плохой, лампочка одна на весь коридор. Я пошёл в сторону старой кладки, там, где стена разрушена, и увидел его на полу. Он… — Пётр Николаевич сглотнул, — он лежал у стены, среди кирпичей. Голова в крови. Я сначала не понял, что это человек, подумал — мешок какой-то. Потом подошёл ближе.

— Сколько времени прошло между звуком наверху и тем, как вы спустились?

— Минута? Две? — Макаров развёл руками, и жест этот вышел беспомощным. — Я правда не знаю, Кирилл. Ты спрашиваешь так, будто у меня в голове секундомер был включён. Я услышал звук, посидел, подумал, что показалось, потом снова услышал и уже пошёл. Может, пять минут, может, десять.

Кирилл слушал и мысленно отмечал несостыковку за несостыковкой — не потому, что подозревал во лжи, а потому что узнавал знакомый рисунок: так путается в мелочах человек, переживший потрясение, и так же ровно, слово в слово, путались директор и сторож, каждый на свой лад, каждый называя своё время с той же неуверенной уверенностью. Три версии, три разных часа, и ни одна не сходилась с другой. Либо все трое врали по отдельным причинам, либо никто из них в тот вечер вообще не смотрел на часы, а потом, задним числом, выстраивал хронологию из страха и смятения — заполняя провалы памяти тем, что казалось правдоподобным.

— Хорошо, — сказал он мягко, откладывая вопрос о времени на потом, чувствуя, что дожимать сейчас бессмысленно. — А когда вы прошли за пролом. Что было дальше?

Макаров поднял на него глаза, и в них впервые за весь разговор мелькнуло что-то похожее на настоящий, не смягчённый потрясением ужас.

* * *

Кирилл подался вперёд, и стул под ним скрипнул слишком громко для тесной комнаты.

— Он был жив, — не спросил, а подсказал. — Когда вы туда зашли.

Макаров кивнул, и кивок этот вышел судорожным, как будто голова двигалась отдельно от тела.

— Жив, да. Хрипел. Лежал на боку, у самой кладки, там, где кирпич обвалился. Потом я услышал звук. Не крик, не стон даже, а такое… — он попытался изобразить, и из горла у него вырвалось нечто среднее между вздохом и всхлипом, — вот так. Как будто через соломинку дышит.

— Что вы сделали?

— Бросился к нему. — Макаров посмотрел на свои руки, лежащие на исцарапанном столе, будто впервые их видел. — У него голова была… там кровь, много, и я даже не подумал ни о чём, просто прижал ладони, зачем-то решил, что если зажать, то остановится. Глупо, конечно. Я не врач, я историк, я даже перевязку толком не умею делать, но руки сами потянулись.

— Отсюда кровь, — сказал Кирилл негромко, скорее для себя.

— Отсюда кровь, — эхом отозвался Макаров, и в его голосе прозвучала не то обида, не то усталость от того, что приходится объяснять очевидное людям, которые смотрят на него как на убийцу. — Я держал его, звал, тряс за плечо.

Кирилл сделал пометку в блокноте, хотя рука двигалась почти механически, мысль работала уже дальше, складывая одно с другим: пустая шкатулка, скелет за проломленной стеной, кровь на руках человека, который клянётся, что пришёл спасать, а не убивать. Всё сходилось слишком аккуратно для лжи и слишком нескладно для подготовленного преступления.

— Вы кричали, звали кого-нибудь?

— Кричал, — Макаров болезненно скривился, будто сам звук собственного крика до сих пор стоял у него в ушах. — Долго кричал. Мне казалось, что весь дом должен был услышать, сторож где-то ходил, а никто не откликался.

— Он что-то говорил?

Макаров поднял на него взгляд, и впервые за весь разговор в его лице проступило что-то живое — не облегчение, а какая-то мучительная сосредоточенность, будто он снова заставлял себя услышать тот хрип.

— Он сказал… «ищи дверь». Два раза. Тихо совсем, я едва разобрал.

Кирилл записал фразу медленно, стараясь, чтобы рука не дрогнула и не выдала, насколько важным ему это кажется.

— Больше ничего?

— Больше ничего. Он замолк, и я… я не понял сразу, что всё. Тряс его, звал. Потом побежал наверх за помощью, но там уже сторож шёл на шум, и дальше всё было как в тумане. Меня поставили к стене, светили в лицо, кто-то звонил.

— В какое время это было? — спросил Кирилл, стараясь, чтобы вопрос прозвучал буднично.

Пётр Николаевич нахмурился, потёр висок.

— Не знаю точно. Полвосьмого, может. Или семь. Я на часы не смотрел, честно. У меня в архиве вообще часов нет.

— А когда услышал звук — сумерки уже были или ещё светло?

— Сумерки. Точно сумерки, — он помолчал, будто пытаясь удержать эту деталь, единственную твёрдую в потоке размытых воспоминаний. — Но я не могу тебе точнее сказать. Прости.

* * *

Кирилл убрал блокнот в карман, но не встал.

— Пётр Николаевич, ещё один момент. Директор упомянул, что вы искали в архиве какую-то «старую бумагу». И тут же сам себя оборвал, будто пожалел, что сказал. Что это за бумага?

Макаров вздрогнул, словно его окликнули из другой комнаты. До этого он сидел, сложив руки на коленях, глядя куда-то в стену над плечом Кирилла, а теперь распрямился, и в глазах у него впервые за весь разговор мелькнуло что-то живое, не измученное.

— Это он вам сказал? — переспросил он с интонацией, в которой смешались испуг и, как ни странно, облегчение. — Я думал, никто не заметил.

— Заметил, но постарался быстрее забыть. Расскажите мне.

Макаров помолчал, потирая большим пальцем костяшки другой руки, будто собирался с духом перед признанием куда более серьёзным, чем то, в чём его обвиняли.

— Недели три назад я разбирал опись усадебного имущества, старую, ещё дореволюционную, — начал он, и голос его постепенно набирал уверенность, как у человека, который наконец говорит о том, что действительно понимает. — Это рутина, понимаете, обычная музейная работа, сверка фондов. И в одном из перечней, среди мебели и посуды, нашлась строчка. Список бумаг, оставленных гостившим лицом. Без имени. Но по датам и по обстоятельствам — там упоминался приезд «Льва Николаевича» — это мог быть только Толстой. И среди прочего значился «черновой отрывок сочинения, незавершённый, оставленный в комнате».

Он произнёс это так, будто сам ещё не до конца верил собственным словам, хотя явно повторял их про себя не раз.

— Черновик чего? — спросил Кирилл, стараясь не выдать, как быстро у него внутри что-то сдвинулось с места.

— Вот в этом и вопрос. Опись не уточняла. Но год совпадал с одним из его визитов сюда, шестьдесят шестым. А это как раз время, когда он работал над «Анной Карениной». Понимаете, если это правда, если такой текст существовал и остался в доме…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.